

К Р О К О Д И Л

Жертвы молчат

СКАМЬЯ ПОДСУДИМЫХ

Ю. Ганфа

...Но палачи за них ответят!

Рис. Ю. Ганфа

Приметы осени

ЛЕВ ТОЛСТОЙ: — Выражаю вам свое глубокое соболезнование. Мою могилу они тоже осквернили.

Роняя листья, лес дубовый
Осенней полон желтизны.
Приметы осени суровой
Яснее с каждым днем видны.

Уже последними грибами
Запахло в роще и в бору.
Уж немцы все стучат зубами,
Как пулеметы, на ветру.

В полях осенних пусто, грустно,
Совсем пустынен огород.
Разыщет немец лист капустный
И натошак его жует...

Отстав от стаи журавлиной,
Журавль догнать ее спешит.
Подбитый очередью длинной,
Летит на землю «мессершмитт».

Уже не просыхают лужи,
Упал с куста последний лист.
Уже в кустах, дрожа от стужи,
Как заяц, скорчился фашист.

Дороги мокры, грязны, скользкие,
Держаться трудно на коне.
Уже мотоциклист фашистский
Машину тащит на спине...

Такая грязь, такая слякоть —
И лошадь выбьется из сил!
Ефрейтор Пферд хотел
заплакать,
Но офицер не разрешил...

Под утро — всюду белый иней,
На нем видней звериный след.
В окопах немец, мерзлый, синий,
Не знает: жив он или нет?..

Снежок, как беленький барашек,
Лежит, не тая, у траншей.
Солдаты-немцы из рубашек
На снег вытряхивают вшей.

Короче дни. Длиннее ночи.
На небе туч тяжелых муть.
Фашистам с каждым днем
короче
К могиле неизбежный путь!

Алексей РЕЗАПКИН

Неизвестный моряк

(Бль)

ЭТО было в разгаре уличного боя. Наша рота захватила угловой дом, бой передвинулся дальше к окраине. В этот момент командир роты лейтенант Сушкин был тяжело ранен.

Возмездие последовало немедленно. Раздался выстрел — и немецкий автоматчик упал с пробитой головой на подоконник противоположного дома. Какой-то моряк поднялся из-за развалин, ползком проник в пролом стены и оказался среди бойцов.

— Вот горе, — с сочувствием сказал моряк, — я за этим немцем час охотился, если не больше... Никак нельзя было дознаться, откуда он стреляет. Ну, чего стоите, орлы? Бей их, дьяволов!

Он оглядел бойцов и, видимо, почувствовал сердцем настроение бойцов. Очередь немецкого автоматчика вывела из строя того, кто был душой этих людей.

— Эх, молодежь, давай я буду за командира — звание я имею, видите, на рукаве лычко... А ну, за мной!

И с этого мгновения начались выдающиеся боевые подвиги роты, весть о которых в тот же вечер дошла до штаба корпуса.

В боевой характеристике действий этой роты было сказано: «Командир и бойцы роты проявили героизм и бесстрашие, очистили от неприятеля занятую им половину улицы, захватили трофеи, склад с боеприпасами, уничтожили три роты гитлеровцев, количество трофеев выясняется».

Все это стало известно в штабе, и командиру роты было приказано явиться в штаб.

Однако командир не явился. Командующему доложили, что командир роты лейтенант Суш-

кин тяжело ранен в самом начале боя, а командование в решающую минуту принял неизвестный моряк в звании старшины, под его командованием рота и совершила славные подвиги.

Тогда стали разыскивать неизвестного моряка. Бойцы могли только сказать о нем, что он был ранен в конце боя, что его увели санитары. Наконец, стало известно, что в разгар атаки он сбросил с себя бушлат и бескозырку. По этим вещам, подобранным бойцами после боя, пробовали установить фамилию их владельца. Но в карманах бушлата ничего, кроме куска черствого хлеба и патронов, не нашлось. Впрочем, нашлась еще фотокарточка, изображавшая молодую девушку.

Адъютант командующего объехал несколько прифронтовых госпиталей. Он искал раненого моряка, которого доставили в госпиталь без бушлата и бескозырки. В госпиталях попадались раненые моряки из флотилии и из бригады моряков. Наконец, нашли одного в звании старшины, а самое главное было то, что его доставили в госпиталь в одном тельняке, без бушлата и бескозырки.

Раненый в грудь и плечо, моряк был превосходно настроен до того момента, пока адъютант не заинтересовался, где именно, какого числа и в котором часу он был ранен и не командовал ли он в это время ротой красноармейцев, не вел ли эту роту в атаку.

— Мусенька, — сказал моряк медсестре, — положите мне на затылок леду, что-то мне нехорошо сегодня... Извиняюсь, товарищ старший лейтенант, вы, кажется, спрашиваете, не командовал ли я в бою ротой красноармейцев? Я сам моряк, был мигнером на эсминце,

теперь в морской пехоте, ну, посудите сами, разве мое дело командовать ротой?

— Ну ладно, допустим, — сказал адъютант, — но все-таки, куда девались ваша бескозырка и бушлат?

Моряк с беспокойством поглядел на адъютанта.

— А меня ж ранили, — с деланным простодушием сказал он, — разве упомнишь, куда что девалось? Ведь бывает же так?

— Бывает, — согласился адъютант.

— А вот вы мне говорили... — начала медсестра.

— Мусенька, — с беспокойством перебил ее моряк, — принесите мне леду. Я удивляюсь, сколько раз вас просить.

— Наверно, это были не вы, — разочарованно заметил адъютант, — наверное, это был другой моряк. А жаль...

— Почему жаль? — заинтересовался моряк.

— Потому что тот моряк был герой. И страна должна знать его имя.

— Так это ж он и есть! — не выдержала медсестра. — Он же мне рассказал, как было дело, как ранили командира роты и как он тут случайно оказался, и про атаку рассказал, и про бушлат, про все.

— Я так и думал, — сказал адъютант, — ну, докладывайте ваше имя и фамилию, и заодно поздравляю вас с будущей высокой наградой... Но почему ж вы не признавались?

— А кто его знает, — лукаво усмехаясь, сказал моряк, — а вдруг еще скажут — самоуправство. Мало ли что... Большая просьба: как бы доставить мне мой бушлатик! Хочу показать Мусе портрет одной девушки.

Л. НИКУЛИН.

Рис. А. Баженова

Октябрьский подарок пионерки Маруси Ивановой попал к снайперу Ивану Петровичу Сидорову.

Подарок мужа и жены Федотовых попал к разведчику Семену Григорьевичу Сергеенко.

Подарок семьи Поленовых попал к артиллеристу Федору Григорьевичу Панкратову.

Подарок девушек Н-ского завода попал в Карла Мюллера, Вильгельма Брауна и многих других фрицев.

Веселый танкист

(Шуточная песенка)

1
Вася Васин, как ни странно,
На такси шофером был.
Пассажирам постоянно
Вася в шутку говорил:
«Если вас нынче сам
Вася Васин везет,—
Это значит, что вам
Удивительно везет!»
Потом в конце дороги,
Такси остановив,
Подводит он в итоге
По счетчику тариф:
«Настукал счетчик много
С начала до сих пор.
Эх, длинная дорога,
Короткий разговор!»

2
Он теперь с военным стажем.
У танкиста грозный вид,
Но и нынче экипажу
Вася в шутку говорит:
«Если вас нынче сам
Вася Васин везет,—
Это значит, что вам
Удивительно везет!»
Дорогой много кочек
И выбоин — мильон,
Хоть стучается очень,
Но все же шутит он:
«Настукал счетчик много
С начала до сих пор.
Эх, длинная дорога,
Короткий разговор!»

3
Он в сраженье ураганом
Налетел на вражий танк.
Сорок метров вез тараном
И кричал он немцам так:
«Если вас нынче сам
Вася Васин везет,—
Это значит, что вам
Удивительно везет!»
И дальше он с опушки,
Прорвавшись на вокзал,
Сразил три вражьих пушки
И сам себе сказал:
«Настукал счетчик много
С начала до сих пор.
Эх, длинная дорога,
Короткий разговор!»

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ.

— Ребята, послушайте! Сейчас Ганс Шмуцке расскажет вам о том, что русская зима вовсе не страшна.

Ничейный фельдфебель

МЕЖДУ нами, снайперами, распрей не бывает, потому что немцев и финнов перед нами еще много и каждый может пострелять в свое удовольствие, несколько не задевая интересов товарища. Наш старший сержант, например, убил уже сто девяносто двух немцев. Ну и что же? А если ефрейтор Душкин еле-еле дотянул до восьмидесяти, так он и сам понимает, что не завидовать надо другому, а самому, как говорит комроты, активизироваться. Позиции у нас у всех свои, да несколько: по три, по четыре — полный уют и приличная маскировка; сам себе хозяин, никто тебе не мешает.

Мы с соседом Василием Трифоновым работаем очень дружно: я его немцев не трону, и он моих никогда не позволит себе щелкнуть без спросу. У Трифонова на счету побольше моего — сто пятьдесят четыре. Да это потому, что меня на слет заставили ехать, а там комиссар повел нас на концерт, и мы лишние сутки в штабе армии проторчали.

Так что я на него не в обиде и личных счетов у меня с ним нет. Но вот наднях мы с ним оба в очень затруднительном положении оказались. Финский фельдфебель вдруг выпорхнул на самом стыке между моим и трифоновским участком. Кому бить? Я, конечно, имел больше оснований, так как наклон головы у фельдфебеля был в мою сторону. Но шагнул он туда, в трифоновском направлении, и чувствую, Василий вот-вот бабахнет.

— Погоди, — говорю, — Вася, пусть поближе подойдет. Может, еще кто за ним пойдет, тогда мы разделим добычу.

— Ладно, — шепчет мне Трифонов, — только не самовольничай. Может, еще вообще стрелять не придется: живьем схватим. Дерни сержантскую бичевку — пусть взглянет.

Фельдфебель к самым надобам подошел, подлез под проволоку и накрылся двумя веточками. Только автомат, дурак, не прикрыл: так и блистал на солнце. Командир отделения ответил мне по бичевке двумя рывками, а это значило, что поползут ловцы, внимание! Вижу: первым ползет наш орденосец Крылов, а за ним — сам командир отделения.

— Ты следи за финном, товарищ гвардии красноармеец Трифонов, — сказал я Васе таким официальным тоном, каким старшина, бывало, любил выражаться в присутствии политрука или комроты.

А Вася не расслышал и мне про же самое, только шуточно:

— Не спускай, — говорит, — глаз с господина фельдфебеля. Господин фельдфебель, как жется, клонют...

А наши ловцы, орденосец Крылов и командир отделения, ползут и ползут. Ближе уже подошли.

И вдруг слышу: бабахнул где-то миномет, грохнулась близко мина и как будто в это же время взвизгнула пуля. Гляжу на фельдфебеля. Справное дело: откинул назад голову, вытянул голову, вытянул руку с автоматом, скрючил ноги... Как же так? Уговору, думаю, не было, а Трифонов самовольничает.

— Ты? — спрашиваю строго, как будто я над Трифоновым начальник какой.

А он не расслышал, видно, и мне.

— Я же, — говорит, — просил не самовольничать. Ты стрельнул под шумок?

— Нет, — говорю, — не стрелял.

Командир отделения и орденосец Крылов приползли обратно злые: они притащили фельдфебеля, да он был мертв — отдал душу, как бы сказать, на марше, в пути. Осмотрели фельдфебельские останки, а в спине пуля девятимиллиметрового калибра, от финского автомата «Суоми». Тогда командир отделения сделал вывод: сами финны подстрелили фельдфебеля. Видно, донял их!

Через два дня взяли у нас «языка» — бобрьюго пшошкоровца. Он расказал, что солдаты 2-й роты 35-го финского пехотного полка давно искали случая разделаться с фельдфебелем, который даже им, извергам, казался плотным зверем, а не человеком. И подстрелили под шумок. Что ж, можно поверить.

Вопрос был ясен. И Вася Трифонов окончательно убедился, что я действительно не стрелял. Фельдфебеля мы порешили считать ничейным.

Ничья — так ничья!

М. ШУР

Карельский фронт.

— Теперь ты видишь, Гретхен, союзник.

Метки

(По столбцам)

ФРИЦЫ О БУДУЩЕМ

- Карл, ты думаешь о будущем?
— Нет.
— Почему?
— Его у меня не будет.

(«Красное знамя»)

ПРОСТАЯ АРИФМЕТИКА

ОФИЦЕР:—Сколько осталось от моей роты?

СОЛДАТ:—Вы, господин офицер.

ОФИЦЕР:—А вы?

СОЛДАТ:—Я от другой роты остался.

(«Красное знамя»)

УТОЧНИЛ

— Говорят, Гансу спесь сбили!..

— Да, вместе с его самолетом.

(«На разгром врага»)

то я твоему мужу настоящий

Ударом

(красноармейской печати)

НА УЛИЦАХ ПАРИЖА

Толстый немецкий офицер идет под руку с мой. Его нагоняет мальчишка. Предлагает портрет Лавая:

— Купите, господин генерал, портрет мсье Лавая. Цена — всего 20 су.

— Пшел вон, болван! Мы самого Лавая дешевле купим.

(«Боевая красноармейская»)

УСПОКОИЛ

— А здесь не слышно партизан? — спросил проводника вагона бравый фриц, ехавший по эвакопункту оккупированной немцами Украине, между Киевом и Полтавой.

— Нет! — ответил проводник... и крепким ударом сшиб фрица со ступенек вагона в безлунную октябрьскую украинскую ночь.

(«Красный боец»)

— Обер-лейтенант, почему нет доктора?

— Лазарет так переполнен, что господину доктору уже не осталось места.

Чортова кукла

(Карпатская сказка)

ЭТО было очень давно, когда бог только только начал мир строить. Строил он беспланово, и когда дело до человека дошло, оказалось, что никакого подходящего материала нет — глина одна. Но голова у бога мудрая, он и решил: сделаю человека из глины и душу в него вдохну.

Вылепил он человека из глины, подул на него. Человек ожил и сказал:

— Раз ты такой мастер, боже, сделай мне еще животных всяких, а то одному скучно. Покряхтел бог, покряхтел и говорит:

— Ладно, сделаю я тебе всяких зверей и животных...

И опять начал глину месить. Месит он и месит, как бабы тесто. Вдруг появляется чорт. Не главный, а так себе чертячий замухрышка. Он уже видел человека, и захотелось ему узнать, что бог еще задумал.

— Вот он и спрашивает:

— Ты это что делаешь?

— Зверей делаю, — говорит бог, — и животных всяких.

— Я тоже могу сделать, — похвастался чорт.

— Ничемный ты, — говорит бог, — лучше нос утри.

Чорт обиделся:

— Мне только глину дай, помотришь, сделаю!

Бог засмеялся.

— На, — говорит, — делай.

И дал чорту немного глины. Чорт пыхтел-пыхтел весь день, дул-дул на глину, а ничего не вышло.

Бог хохочет.

— Дурень ты, — говорит он чорту, — ничего у тебя не получится. Надо уметь глину замесить. Думаешь, это — легкое дело. Как бы не так!..

Это был самый бездарный чорт, но гонору у него было много. Не мог он успокоиться и все вертелся возле бога да присматривался. Решил чорт бога перехитрить. Замечил он, что у бога остаются кусочки глины, и начал выжидать... Делал бог свинью и хотел ей рога пристроить, как корове, но передумал и сказал: — Хватит с нее рыла, а то еще бодаться будет.

И ту глину, что для рогов приготовил, бросил в котел обратно.

Она и прилипла к стенке котла.

Потом делал бог тигра и хотел прилепить ему ослиные уши, но передумал и бросил остаток глины в котел. Потом делал бог шакала и решил приклеить ему змеинный хвост, но опять передумал... А чорт все подмечал и все волновался, как бы бог котел не выскреб...

До самого вечера бог работал. Котел опустел, к стенкам прилипли только остатки глины: от свиньи, от тигра, от шакала. И пока бог перекуривал, чорт взял щепку и начал котел скрести. Наскреб чорт немного глины и начал месить ее.

Увидел бог и спрашивает:

— Ты чего делать хочешь?

— Человека, — гордо ответил чорт.

— Не выйдет у тебя человек, — говорит бог, — из этой дряни даже путное животное не выйдет. Видишь — сам бросил.

А чорт говорит:

— Ты не сумел, а я сделаю.

И начал глину месить. Пот с него ручьями льет, зубы скрипят, но все ничего не выходит. Наконец, слепил чорт что-то маленькое, противное, вроде и на щенка похоже, но с рылом, как у свиньи, с ногами, как у тигра, с зубами, как у шакала...

— Вот, — говорит чорт, — я человека создал.

Захотел бог, потом нахмурился и говорит:

— Ничего у тебя не получится. Не оживет твоя кукла.

Чорт заплакал.

Пожалел бог чорта, и не то, что подул, а просто плюнул в насмешку на чортово изделие. Кукла пошевелинулась.

— Вот, — закричал чорт, — человек получился!

Бог опять нахмурился и говорит:

— Ничего у тебя не выйдет. Чтоб из этой дряни хоть что-нибудь получилось, надо пять тысяч лет плевать. А мне некогда.

Положил чорт своего щенка на камень и начал плевать. Пять тысяч лет плевал чорт и вдруг видит: кукла опять зашевелилась. Потом захрюкала, зарычала, встала на кривые толстые ноги и побежала...

Как-то повстречал бог чорта и спрашивает:

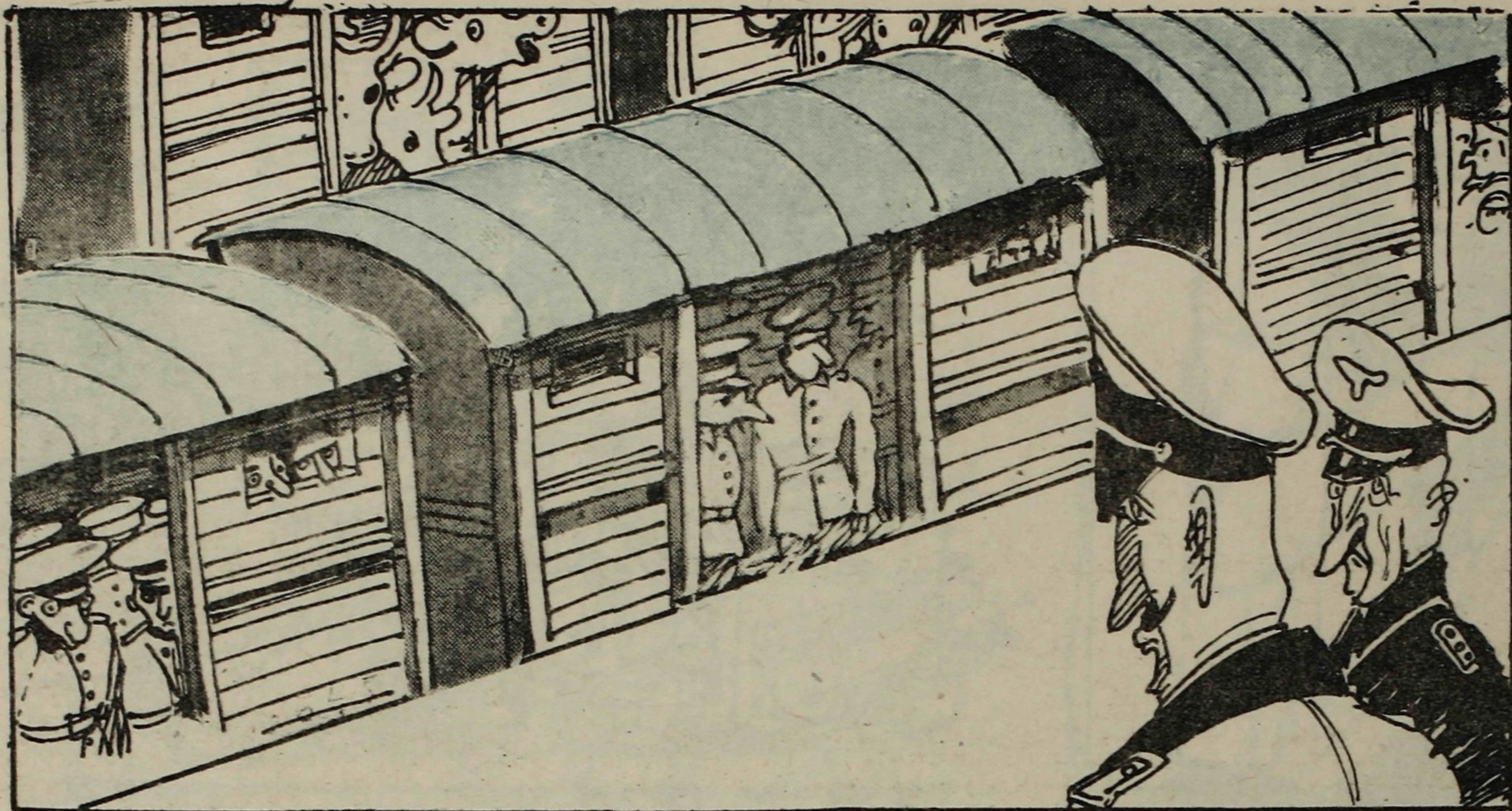
— Ну, что-нибудь получилось из твоей дряни?

Засмеялся чорт от радости и говорит:

— Ага... Получился Гитлер...

Ф. КРАВЧЕНКО

Рис. А. Каневского

— Вот вы и получили равноправие, господа румыны! Вы собрали скот — мы его вывозим, мы собрали мясо — вы его вывозите.

Текущий счет

У НАС, в энском подразделении, есть один парень, по имени Еремей, по фамилии Журба.

Глаза у него замечательные. Не в том дело, что они у него голубые, как васильки, или, скажем, темносерые с поволокой. Вся прелесть его глаз в том, что они дальнобойные.

Да, да — дальнобойные глаза! В переводе на штатский язык это означает: острый взор Еремея Журбы через горы, через доли, через насыпи и брустверы проникает туда, куда обычный взгляд долететь не в силах.

Еремею Журбе достаточно посмотреть на немца, чтоб немец перестал существовать. Вот какой у него глаз!

Недавно у убитого гитлеровского солдата, Манфреда Боте, нашли письмо от жены:

«Дорогой Манфред! Спасибо за третью посылку из России. В ней были одни кальсоны, две пачки чая и различный материал. Особенно благодарю тебя за чай. Материал мы сразу выстирали, он был в крови. Я каждый день молюсь богу за тебя, чтоб ты остался цел и невредим и чтоб ты смог прислать нам еще много посылок. Я думаю, что моя молитва дойдет до облаков. Твоя любящая Моника».

Любящая посылки фрау Моника! Допивайте свой чай. Пейте не спеша, маленькими глотками. Растяните это удовольствие. Больше вы русского чая не увидите. Горячая и справедливая пуля русского снайпера дошла до лба убитый и грабителя Манфреда Боте гораздо скорее, чем ваша молитва до облаков.

Вчера, на рассвете, при первых лучах восходящего осеннего солнца, Манфред Боте попался на глаза Еремею Журбе. И нет больше Манфреда Боте, любителя кальсон и чая...

В то холодное осеннее утро снайпер Еремей Журба по-хозяйски вписал в свою маленькую записную книжечку в нежном сиреновом переплете еще одну единицу.

Это была двести шестьдесят седьмая единица. Таков текущий счет Еремея Журбы.

Он богач — Еремей Журба. Шутка ли — 267! Мы вообще против разглашения тайны вкладов. Текущий счет каждого частного гражданина — это его личное, частное дело.

Но в данном случае мы с разрешения самого Еремея Журбы предаем публичной гласности его новый вклад в дело освобождения нашей родины от фашистских оккупантов:

267 уничтоженных фрицев!

Трудолюбив Еремей. Когда он на работе, он забывает обо всем: о еде, о сне, об отдыхе, о теплой папиросе-самкрутке.

Вот хотя бы в то осеннее утро. Вписав в свою сиреновую книжечку новую единицу, пойти бы ему в блиндаж, горячего чайку выпить, раскурить бы с приятелями папиросу.

Нет. Он лежит за кустиком и ждет новой удачи. Авось, клонет. Страшно хочется вписать в книжечку еще единицу, еще, еще...

Лозунг снайпера таков:

«Не считай часов, не считай верст. Считай одно: убитых тобой немцев».

Лежит Журба за кустиком, и не скажешь, что это живой человек. Лежит недвижно, не слышно, не дыша. Комар, чорт бы его побрал, сядет на нос — и прогнать его не смеешь. «Нашел место, проклятый, для прогулок!» — укоризненно думает снайпер о комаре.

И как раз в этот момент из-за бугорка показался... Но мы уж знаем, какие глаза у Еремея Журбы. Мы уже знаем, что как только Еремей Журба взглянет на немца, немцу уж больше нечего делать на русской земле.

Так вот у этого (двести шестьдесят восьмой!) убитого немецкого ефрейтора Ганса Шнедера найдено в карманах два письма.

Письмо от брата Генриха:

«Из твоего письма, Ганс, мы узнали, что ты жив и здоров...»

Письмо Ганса Генриху:

«Дорогой брат, я чувствую, что из России мне своих костей не унести. Россия — мой гроб».

Этот Ганс вполне правильно рассуждал. Наш снайпер постарался, чтобы трезвые рассуждения гитлеровского ефрейтора оправдались.

Еремей Журба, вписав в книжечку новую единицу, решил:

— Пойти попить чайку, а потом опять за работу.

Он до войны был трактористом, Еремей Журба. На Полтавщине был такой колхоз «Новый путь». И тогда так же деловито и спокойно тракторист-стахановец Журба говорил:

— Пойти попить чайку, а потом опять за работу.

После завтрака снайпер Еремей Журба опять на работе.

Вот немец с котелком идет к кухне.

— Не надо тебе супа! — говорит Еремей Журба и спокойно нажимает курок винтовки.

Вот немец с ведром, осторожно озираясь, крадется к колодцу.

— Не надо тебе воды! — говорит Еремей Журба и спокойно нажимает курок винтовки.

Вот немец идет с топором в лесок.

— Не надо тебе дров! — говорит Еремей Журба и спокойно нажимает курок винтовки.

И немцы поспешно уходят в тот мир, где нет ни супа, ни воды, ни дров, ни Гитлера...

По вечерам в блиндаже Еремей Журба ведет дневник. Давайте заглянем в его тетрадь:

«15 сентября. Денек выдался горячий. Пришлось охотиться за немецким снайпером. Фашисты хитрят. Один укрылся за камнем, другой помахивает слегка чучелом из траншеи. Подполз с фланга и угостил пулей того, который подкарауливал нас из-за камня. Второй бросился бежать, но его нагнала пуля снайпера Моисеева».

16 сентября. Уничтожил двух немецких часовых и одного автоматчика.

17 сентября. Одного заметил — одного и убил.

18 сентября. Потерянный день. Ни один фриц не показался.

19 сентября. До обеда — двух, после обеда — трех...»

В общем, надо отметить, что Еремею Журбе везет в жизни. Однако не во всем. Это надо прямо сказать. Не везет ему как оратору.

Вот послушайте, что произошло недавно. Было комсомольское собрание. В прения записалось много бойцов. Седьмым был записан Еремей Журба. А ему очень хотелось высказаться — вопрос очень интересный.

Но как раз, когда выступал пятый по счету оратор, над лесочком появился немецкий «юнкерс». Командир срочно вызвал Журбу. Он с двух выстрелов сбил фашистский самолет. Но когда вернулся в блиндаж, собрание уже закончилось.

Через неделю продолжение собрания. И вот только хотели дать слово Журбе, как прибегает его помощник Моисеев и говорит ему: «За бугром четыре немца идут с лопатами». Ну разве можно упустить такой случай?!

От этих четырех немцев с лопатами остались одни лопаты. Но высказаться Журбе на собрании опять не удалось.

А хотел он сказать о том, что надо побольше истреблять немцев здесь, на этом участке фронта. Убьешь здесь — не появятся на Юге,

Г. РЫКЛИН

— Вот говорят о чуткости к окружающим, а вы грубите мне.
 — Имею полное право: у нас сейчас перерыв на обед.

Счастлиное утро

ТО ЛИ от выпитого вина, то ли потому, что русские в это утро не проявляли большой активности, но лейтенант Бюстгалтер был в хорошем настроении и почти как с равным мирно беседовал с румынским капитаном Гнидеску. Лейтенант даже позволил своему собеседнику сидеть рядом с собой, что привело капитана в дикий восторг.

— Смотрю я на вас, румын, и диву даюсь,— расточал комплименты Бюстгалтер,— до чего же вы никудышные вояки! Только прибудет на фронт какая-нибудь ваша дивизия, как от нее уже через несколько дней рожки да ножки остаются. Дерьмо, одним словом, а не солдаты. То ли дело у нас...

— Но ведь и у вас...— осмелился возразить Гнидеску, но тотчас же замолчал, произведенный гневным взглядом немецкого коллеги.

— То ли дело у нас,— продолжал Бюстгалтер.— Почти никаких потерь. Так, небольшие царапины. Вот, например, наш полк. Три месяца деремса— и хоть бы что.

— Помилуйте, господин лейтенант!— перебил его Гнидеску.— В вашем полку, извините, старый состав почти весь перебит. Одна только кухня осталась.

— То есть как перебит?!— стукнул кулаком по столу лейтенант.— Я вам назову тысячу солдат и офицеров, которые с первого дня воюют на Восточном фронте.

— Зачем же тысячу?— ехидно заметил румын.— Вы мне хотя бы одного назовите.

— Нет, именно тысячу,— упорствовал Бюстгалтер.— Капитан Пинфель, например... Впрочем, он действительно убит. Да, обер-лейтенант Дрейзен... Пардон, Дрейзен пал смертью храбрых. Извольте: командир батальона Шейдль.

— Шейдль попал в плен,— напомнил лейтенанту Гнидеску.

— Совершенно случайно, уверяю вас. Но не в этом дело. Его достойно заменил Бекслер. Гм... Бекслер пропал без вести. Ну, возьмите третью роту...

— Третья рота целиком уничтожена русскими автоматчиками,— скромно поправил своего коллегу капитан.

— Уничтожена, но зато ее командир... Мда... этот дурак Клузбер застрелился. Но оставим в покое господ офицеров. Возьмите солдат. Эмиль Геснер или Вильгельм Кам. Впрочем, они тяжело ранены. Гундер, Кеммер, Гензель... Не то... Хотите, господин капитан, я вам назову кого-нибудь из другого полка?

— Зачем же, господин лейтенант?— пришел на помощь растерявшемуся Бюстгалтеру румын.— Есть один живой человек из вашего полка. Вы забыли о себе, дорогой лейтенант!

...Грохот разорвавшейся бомбы прервал интимную беседу. Когда дым рассеялся, из-под стола вылез Гнидеску и убедившись, что его друг убит, вытащил из его кармана кошелек, снял с руки часы и бодро направился к выходу. В это утро ему явно повезло.

И. ВЕРХОВЦЕВ

— Чем страшна русская зима?
— Да все тем же: русскими снайперами, танками, артиллерией,
авиацией...